DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18431485

ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕНИЯ О МОДАЛЬНОСТИ В РУСИСТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Базарбаева Алия Адилбаевна

преподаватель русского языка и литературы общеобразовательной школы №37 Кунградского района Республики Каракалпакстан

АННОТАЦИЯ

В работе представлен диахронический анализ становления категории модальности в русистике, прослеживающий эволюцию научных воззрений от логико-философских концепций до теории функционально-семантических полей с акцентом на разграничении объективной и субъективной модальности.

Ключевые слова: *категория модальности, объективная модальность, субъективная модальность, функционально-семантическое поле, предикативность, наклонение, антропоцентризм.*

THE TRANSFORMATION OF THE THEORY OF MODALITY IN RUSSIAN LINGUISTICS: EVOLUTION OF APPROACHES AND CONTEMPORARY INTERPRETATION

Bazarbaeva Aliya Adilbaevna

Teacher of Russian Language and Literature at General Education School No. 37, Kungrad District, Republic of Karakalpakstan.

ABSTRACT

The paper presents a diachronic analysis of the formation of the category of modality in Russian linguistics, tracing the evolution of scientific views from logical-

philosophical concepts to the theory of functional-semantic fields, with an emphasis on the distinction between objective and subjective modality.

Keywords: *category of modality, objective modality, subjective modality, functional-semantic field, predicativity, mood, anthropocentrism.*

RUSSHUNOSLIKDA MODALLIK HAQIDAGI TA'LIMOTNING TRANSFORMATSIYASI: YONDASHUVLAR EVOLYUTSIYASI VA ZAMONAVIY TALQINI

Bazarbaeva Aliya Adilbaevna

Qoraqalpog'iston Respublikasi, Qo'ng'irot tumani, 37-sonli umumta'lim maktabining rus tili va adabiyoti o'qituvchisi.

Email: bazarbaevaliya21@gmail.com

ANNOTATSIYA

Ishda russhunoslikda modallik kategoriyasining shakllanishi bo'yicha diaxronik tahlil taqdim etilgan bo'lib, u mantiqiy-falsafiy konsepsiyalardan tortib to funksional-semantik maydonlar nazariyasigacha bo'lgan ilmiy qarashlar evolyutsiyasini, asosan obyektiv va subyektiv modallikni o'zaro farqlashga urg'u bergan holda yoritadi.

Kalit so'zlar: *modallik kategoriyasi, obyektiv modallik, subyektiv modallik, funksional-semantik maydon, predikativlik, mayl, antropotsentrizm.*

Категория модальности в современном русском языкознании занимает положение одной из наиболее фундаментальных и одновременно дискуссионных универсалий. Ее статус определяется тем фактом, что модальность является организующим центром предложения, превращающим набор лексем в коммуникативную единицу. Лингвистическая наука прошла длительный путь от отождествления грамматической модальности с логической до осознания ее как многоуровневой функционально-семантической категории,

охватывающей все уровни языка — от фонетического до текстового. В настоящей работе рассматривается генезис данного понятия, анализируются ключевые этапы его теоретического осмысления в трудах отечественных лингвистов и выявляется современное состояние проблемы в контексте антропоцентрической парадигмы.

Этимологически и концептуально понятие модальности (от лат. modus — мера, способ, вид) восходит к античной философии и логике. Еще Аристотель, а впоследствии И. Кант, классифицировали суждения не только по качеству и количеству, но и по модальности, выделяя суждения проблематические (возможности), ассерторические (действительности) и аподиктические (необходимости). Этот логический триумвират долгое время довлел над грамматической мыслью. В российской лингвистике XIX века, в трудах Ф.И. Буслаева и ранних грамматистов, модальные значения рассматривались преимущественно через призму наклонений глагола, что было прямым переносом логических схем на живую ткань языка. Однако уже А.А. Потебня и А.М. Пешковский, исследуя синтаксис русского языка, начали указывать на недостаточность чисто морфологического подхода. А.М. Пешковский, в частности, акцентировал внимание на роли интонации как мощнейшего модального средства, способного изменить смысл высказывания на противоположный без изменения лексического состава [6]. Это можно проиллюстрировать примером: фраза *«Он придет»*, произнесенная с нисходящей интонацией, утверждает факт, тогда как та же фраза с резким повышением тона *(«Он придет?»)* переводит высказывание в план ирреальности, сомнения или вопроса.

Подлинная научная революция в понимании данной категории связана с именем академика В.В. Виноградова. В его фундаментальном труде «Русский язык» (1947) была сформулирована аксиома, ставшая базисом современной русистики: модальность есть обязательный конструктивный признак любого предложения. В.В. Виноградов постулировал, что каждое высказывание, помимо

своего вещественного содержания, неизбежно включает в себя выражение отношения к действительности [3]. Это отношение, согласно Виноградову, не является факультативным добавлением, а составляет «душу» предложения. Ученый предложил широкое понимание модальности, выходящее за рамки глагольной парадигмы. Он выделил особый лексико-грамматический разряд слов — модальные слова (конечно, вероятно, разумеется, пожалуй), которые не являются членами предложения в классическом понимании, но служат операторами достоверности. Например, в предложении *«Поезд, кажется, опаздывает»* лексема «кажется» не изменяет пропозициональное содержание (факт опоздания поезда), но меняет модус восприятия этого факта, вводя семантику персуазивности (субъективной неуверенности). Заслуга Виноградова состоит в том, что он легитимизировал модальность как категорию, пронизывающую всю систему языка, а не только глагольное спряжение.

Дальнейшее развитие теории модальности в языкознании шло по пути структурирования и детализации виноградовского наследия. Ключевым этапом стало создание академических «Грамматики-70» и «Грамматики-80», где под руководством Н.Ю. Шведовой была окончательно закреплена дихотомия модальности на объективную и субъективную. Это разграничение является критически важным для любого научного анализа текста. Объективная модальность была признана конституирующим признаком предикативности [7]. Она выражает отношение сообщаемого к реальности в плане его осуществления или неосуществления. Средством ее выражения выступают формы наклонения и времени. Любое предложение русского языка, даже односоставное или номинативное, обладает объективной модальностью. В предложении *«На улице — ночь»* объективная модальность выражена нулевой связкой, указывающей на настоящее время и реальность существования ситуации. Изменение наклонения на сослагательное *(«Была бы на улице ночь»)* переводит высказывание в план ирреальности, выражая желательность или условность, но оставаясь в рамках объективной модальности.

Субъективная модальность, согласно концепции Н.Ю. Шведовой и ее последователей, накладывается на объективную как второй слой. Она выражает отношение говорящего к сообщаемому факту: уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, эмоциональную оценку, экспрессию [5]. Если объективная модальность обязательна, то субъективная — факультативна, хотя в живой речи присутствует почти всегда. Рассмотрим предложение: *«Он, безусловно, талантлив»*. Здесь объективная модальность (реальность факта в настоящем времени) сосуществует с субъективной модальностью (категорическая уверенность говорящего), выраженной вводным словом. В предложении *«Он-то талантлив!»* субъективная модальность реализуется посредством частицы «-то» и эмфатической интонации. Важно отметить, что в художественном тексте именно субъективная модальность становится основным инструментом создания образа рассказчика.

Новый этап в изучении модальности ознаменовался переходом от жестких структурных схем к теории функционально-семантических полей (ФСП), разработанной А.В. Бондарко. Теория поля позволила снять противоречия между морфологическим и лексическим способами выражения модальности, объединив их в единую систему. Согласно А.В. Бондарко, ФСП модальности имеет ядерно-периферийную структуру [1]. Ядром поля является грамматическая категория наклонения (императив, индикатив, конъюнктив), так как это наиболее специализированное средство выражения. Приядерную зону составляют модальные глаголы (мочь, хотеть, желать) и предикативы (надо, нужно, можно). Периферию же формируют разнородные средства: модальные частицы (вряд ли, авось, небось), вводные слова, междометия, а также специальные синтаксические конструкции. Особую научную ценность представляет включение в периферию инфинитивных предложений с модальным значением. Например, конструкция *«Быть грозе!»* формально не имеет показателей будущего времени или повелительного наклонения, но в

контексте поля она выражает значение неизбежности (аподиктическая модальность), что подтверждает тезис о полевой природе данной категории [2].

В современной лингвистике, развивающейся в русле антропоцентризма, фокус внимания смещается на текстовую модальность. Исследователи рассматривают модальность как категорию текста, а не только предложения [4]. Вводится понятие «тональность текста», которая формируется совокупностью всех модальных средств и выражает авторскую позицию. Здесь уместно упомянуть и теорию модальных рамок, когда одно модальное значение вложено в другое. Отдельного внимания заслуживает вопрос о скрытой, или имплицитной, модальности. Современные исследования показывают, что модальные смыслы могут передаваться без использования специальных маркеров, исключительно за счет контекста, порядка слов или нарушения лексической сочетаемости.

Подводя итог анализу эволюции категории модальности, следует сформулировать ряд теоретических выводов. Во-первых, модальность утвердилась в статусе универсальной языковой категории [3]. Во-вторых, историческое развитие научного знания о модальности шло по пути расширения объема понятия: от узкограмматического (наклонение) до широкого функционально-семантического и текстового. В-третьих, современный этап изучения характеризуется интересом к прагматическому потенциалу модальности. Разграничение объективной и субъективной модальности при этом остается незыблемым методологическим фундаментом, позволяющим дифференцировать онтологический статус события (факт/не факт) и его гносеологическую оценку (знаю/сомневаюсь).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984.

2. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). — Калининград: КГУ, 1993.

3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972.

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.

5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ, 1998.

6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

7. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.